

DIXI

■ Зигмунт Бауман . . . с.1, 4-5

Суть дела

■ Константин Крылов . с.2-3

■ Борис Межуев с.3

О чем спор

■ Жак Рансьер с.6-7

■ Андрей Громов с.7

■ Франк Фуреди с. 8

■ Ирина Дуденкова с.9

Проблемное поле

■ Александр Кокберн с. 10-11

■ Александр Ослон с.11

■ Джон Грей с.12

■ Дмитрий Быков с.13

■ Бриджит Накос . . . с.14-15

■ Сергей Кара-Мурза . . с.15

Особое мнение

■ Элла Панеях с.16-17

Позиция

■ Кори Робин с.18-20

■ Артем Магун с.20

Страхи Украины

■ Владимир Нестеренко . с.21

■ Александр Мучник,
Михаил Баймуратов,
Олег Долженков . . . с.22-23

Рецензия

■ Зигмунт Бауман
«Актуальность
Холокоста» с. 24

Зигмунт Бауман: В тисках неведения и бессилия

РЖ *Считается, что современное общество предлагает все больше сервисов и услуг по безопасности, однако рост коммуникаций внутри него приводит к тому, что общество становится все более уязвимым по отношению к различного рода фобиям — они распространяются почти мгновенно, становясь удобным инструментом манипулирования. Действительно ли массовые страхи сегодня управляют политической, экономической и социальной жизнью современных обществ?*

«Информационные и коммуникационные технологии» лишь помогают распространению страхов и ускоряют их рост. Для того чтобы страхи появились, технологии не нужны. Существует множество заурядных повседневных способов порождать страхи, подпитывать их и способствовать их продвижению. В нашем мультицентрированном, односторонне глобализованном мире, управляемом неконтролируемыми и несговорчивыми рынками, существует достаточно причин для страхов. Планирование жизни — сложная задача, так как

шенными на произвол судьбы, всего лишь пешками в чьей-то игре. Только в чьей? И играемой по каким правилам, если таковые

О старых и новых страхах специально для «Русского Журнала» размышляет Зигмунт Бауман — видный английский социолог, профессор университета Лидса

будущее не просто туманно: как бы нас это не злило, оно не поддается ни индивидуальному, ни коллективному контролю.

Мы чувствуем свою неосведомленность (поскольку не знаем, что может преподнести будущее) и бессилие (потому что боимся, что не сможем отразить удары, не говоря уже о том, чтобы упредить их, зная мы об их приближении). Неведение и бессилие, вместе взятые, заставляют нас чувствовать себя униженными, лишенными чувства собственного достоинства, незначимыми и бро-

существуют?! Такое мнение лишь усиливает страх беспомощности и безнадежности. Добавьте в довершение ко всему становящуюся все более распространенной непрочность человеческих обязательств (нестабильность семей, сотрудничеств, соседств, команд), и вы получите более чем достаточно причин для страхов. На смену дням, наполненным тщетными попытками остановить поток страха, приходят бессонница и ночные кошмары.

Продолжение на стр. 4

Главный редактор
Глеб Павловский

Шеф-редактор
Александр Павлов

Адрес редакции
125009 Москва
М. Гнезниковский пер., д. 9/8 стр. 3
Тел.: (495)629-8993
Факс: (495)629-52-97
e-mail: info@russ.ru

В ТИСКАХ НЕВЕДЕНИЯ И БЕССИЛИЯ

Зигмунт Бауман

Продолжение. Начало см. стр. 1

РЖ Обычно считается, что страх — удел тоталитарных обществ. Действительно ли демократиям свойственно меньше бояться? Как соотносятся страх и демократия?

Самый богатый источник страха — неопределенность. И тоталитарный, и демократический режимы обещали освобождение от неопределенности и, соответственно, страха. Ни один из них не выполняет это обещание, пусть и по разным причинам. Тоталитарные режимы навязали регулирующую, управляемую экономику, необходимую для искусственного создания угроз (с помощью насаждения страха перед неконтролируемым рынком), чтобы представить себя в глазах собственных граждан оплотом безопасности и счастья. Демократические режимы, отказавшись или будучи не в состоянии сдерживать угрозы, исходящие от непредсказуемого рынка, испытывают возрастающую потребность в смещении страхов населения к истинным или предполагаемым угрозам личной безопасности.

Тем не менее **обоим режимам необходимо, чтобы граждане боялись чего-то, что превосходит их способность к самозащите.** Таким образом, власть может продемонстрировать собственную актуальность и значимость в деле защиты граждан от того самого «чего-то». Точно так же, как полиции нужен наш страх перед грабителями, насильниками или мародерами для обоснования

необходимые для благопристойной, удовлетворительной и достойной человеческой жизни: безопасность и свобода. Безопасность без свободы приравнивается к рабству, в то время как свобода без безопасности означает неясные риски и невыносимую неопределенность. Обе ценности, я повторюсь, необходимы. И все же их баланс в полной удовлетворительной мере практически невозможен (чем больше у тебя одной, тем чаще приходится отказываться от другой). Любой компромисс между ними вынужден быть недолговечным соглашением или временным перемирием. В любой момент маятник может начать двигаться в другом направлении, — скажем, **свобода, с**

лени больших ограничений в отношении рыночных сил. Правительства снижают угрозы, исходящие от финансовых рынков и рынков труда с ослабленным государственным регулированием; в свою очередь общественное мнение обращает все большее внимание на индивидуальную небезопасность — на угрозы человеку, его здоровью и имуществу, — становясь все более равнодушным, когда дело доходит до защиты индивидуальных свобод. И наоборот, существует повсеместное стремление с благодарностью принимать меры, считавшиеся до недавнего времени нарушающими границы частной жизни и воспринимавшиеся как подлые нападки государства на индивидуальную независимость. Эта тенденция, несомненно, опасна для демократии, хотя и не только для нее. Для того чтобы проиллюстрировать последнее высказывание, процитирую запись от 30 октября в моем дневнике:

Сегодняшние газеты приносят новую порцию ошеломляющих, леденящих кровь и нервующих новостей. Две гражданки Йемена, чьи имена не указываются, отправили по почте две новые разновидности «крайне усовершенствованного» оружия, на этот раз так умело спрятанные в компьютерном принтере и принтерном картридже, что ни один прибор рентген-контроля, установленный во всех крупных и маленьких аэропортах планеты, не смог бы их обнаружить.

Первые комментарии сконцентрированы на возможном влиянии этого драматического сообщения на предстоящие промежуточные выборы в Америке. Как Обама отреагирует на эту новость? Приуменил ли он ее значимость или преувеличил? Я не знаю ответа, и, честно говоря, мне совершенно неинтересно искать его или угадывать. Хотя в одном я уверен. Сегодня газета New York Times выразилась так: «Срыв плана с посылкой был отрезвляющим напоминанием официальным лицам всего мира, что балом правит быстрая реакция на своевременные разведывательные данные». (Как будто официальные лица нуждаются в напоминании или в протрезвлении.) Появится множество совершенно новых мер безопасности, приспособленных и быстро

«Информационные и коммуникационные технологии» лишь помогают распространению страхов и ускоряют их рост

вания своего существования. Если бы не было страхов, которые мы не в силах побороть самостоятельно, не было бы нужды в правительствах и службах безопасности для их сдерживания.

РЖ Трансформируют ли современные массовые страхи природу демократии (страх терроризма, страх финансового коллапса, страх мигрантов)? Если да, то каким образом?

О да! Трансформируют...

Существует две ценности, равно не-

трудом завоеванная родителями, может быть добровольно отдана их детьми, недовольными теми рисками, которые свобода способна только увеличить, и опасяющимися обязательств, которых требует жизнь в свободе.

В настоящее время проявляется множество признаков того, что во многих странах маятник и в самом деле — после нескольких десятилетий неолиберального дерегулирования — совершает новый поворот на 180 градусов, хотя и необязательно в направ-

введенных в действие, появятся новые техники слежения, развитые и усиленные новейшими техническими средствами, и будет введен «новый улучшенный» режим контроля и досмотра в аэропортах. Чтобы оплатить все эти меры, книги заказов охранных предприятий заполнятся новыми поручениями, в то время как в государственном бюджете, так же как и в фондах, предназначенных для удовлетворения крайне важных социальных, культурных и образовательных потребностей наций, будут проданы новые бреш.

Две «крайне усовершенствованные» бомбы были перехвачены. Чтобы завладеть бесчисленным количеством еще не произведенных точных копий, понадобятся миллионы новых «еще более усовершенствованных» устройств и тысячи тех, кто будет с

ных складов и заполнение их новым вооружением. История повторяется. С каждым шагом растет вероятность того, что и конец будет одинаковым. Вспомните: холодная война завершилась тем, что один из игроков гонки вооружений был доведен до нищеты и разорения. Он взорвался изнутри, а не был взорван снаружи.

РЖ Оказывается ли страх одним из самых выгодных товаров на политическом рынке? Кто и зачем торгует страхом? Можно ли изъять этот товар?

С точки зрения правительства, выбор очень невелик. Каковы альтернативы, которые можно использовать в попытке добиться легитимации? Так много других обещаний, которые электорат будет рад слышать (и уж тем более будет рад их осуществлению) и которые, однако, ни ответственное

вообще «демократия в отдельном государстве» (или в ряде отдельных государств) при существующей форме глобализации...

РЖ Очевидно, что политический страх в каждом государстве свой. Где-то больше боятся терроризма, где-то — остракизма и политического преследования за свободу мысли. С вашей точки зрения, может ли страх стать фактором, препятствующим глобализации государства или общества? Или, может быть, напротив, страх — это фактор, объединяющий людей?

Есть страхи, которые объединяют. Например, иностранное вторжение. Нынешние страхи, однако, не принадлежат к этой категории. Они разрывают и подрывают всенародную солидарность, они приводят регионы, предприятия, группы интересов и отдельных граждан в состояние ожесточенного и бескомпромиссного соперничества. Они обесценивают идею объединения сил и движения в ногу и одновременно склоняют придерживаться стратегии «своя рубашка ближе к телу»: будешь держаться вместе со всеми — не получишь ничего, будешь побеждать и уничтожать соперников — получишь все... По крайней мере, это кажется правдой. Но позвольте мне отметить, что это, скорее, не правда, а гордиев узел или порочный круг. Это самоутверждающаяся и самонагнетающая позиция: чем более широко и бескомпромиссно предпочитается такая стратегия (в поступках, а не на словах), тем более призрачными становятся альтернативы и тем сложнее избежать ее давления и освободиться из ее тисков.

РЖ Какие массовые страхи, скорее всего, будут определять 2010-е?

Я не провидец. С моей стороны было бы слишком самонадеянно претендовать на то, что знание социологии делает мои прогнозы достоверными. Мы можем подвести итоги будущего лишь постфактум, после того как оно уже стало прошлым.

Но мне кажется, что попытка воссоединения власти (то есть способности осуществлять задуманное) и политики (способности определять, что нужно сделать), которые сейчас не то разошлись, не то вообще разделились (это разделение — одна из первопричин нынешнего пугающего чувства неведения и бессилия), — это задача, на выполнение которой уйдет никак не меньше десяти лет. ■

У меня возникает все больше сомнений относительно того, возможна ли вообще «демократия в отдельном государстве» (или в ряде отдельных государств) при существующей форме глобализации...

ними работать. И, как обычно, с тех пор как в норму вошли самоувеличивающиеся расходы на безопасность, которые сейчас являются наиболее судьбоносным и прочным наследием холодной войны, конюшни будут модернизироваться по цене, затмевающей цену на лошадь (лошадей), которые сбежали.

Не только генералам свойственно готовиться к «прошедшим войнам». Нынешняя «война против терроризма» (прошу прощения за то, что использовал этот оксюморон за неимением другого общепризнанного термина) в некоторых самых главных и фундаментальных аспектах есть повторение холодной войны. Изменились участники боевых действий, оружие и методы военных действий, но не стратегия, логика и, прежде всего, встроенный механизм саморазрушения в геометрической прогрессии (мне кажется, именно на это был основной расчет военного плана бен Ладена).

Ключевая особенность баталлий холодной войны — не воевать в полевых условиях. Новое оружие производилось постоянно нарастающими темпами не для того, чтобы применять его в военных действиях, а для того, чтобы сделать оружие в арсеналах врагов бесполезным, чтобы заставить врага заменить его новым, форсируя таким образом ликвидацию собствен-

(не говоря уже о честности) правительство, ни оппозиция, коей победа светит хотя бы отдаленно, никогда не сможет исполнить. Правительство не может всерьез обещать гарантии занятости или социального обеспечения по старости, гарантии вкладов или крыши над головой или помощи в случае личных бедствий. Оно также не может гарантировать быстрой медицинской помощи в каждом из случаев. Если бы оно давало такие обещания, не говоря уже о том, чтобы пытаться воплотить их в жизнь, из страны очень быстро ушел бы капитал, который ищет (и с легкостью находит) другие места и страны, чьи правительства более гостеприимны к его интересам и менее озабочены интересами собственных граждан. Зажатые в тиски между давлением мировых сил, с одной стороны, и ожиданиями электората — с другой, правительства находятся в незавидном положении. Они не могут одновременно удовлетворить требования обеих сторон. По крайней мере, не в условиях зрелой демократии. Они могут возлагать надежды на выживание, какими бы жалкими они ни были, на принуждение, умасливание, искушение электората к принятию все большего сужения его политического выбора.

Другими словами, все больше сомнений относительно того, возможна ли

Беседовала Юлия Нетесова